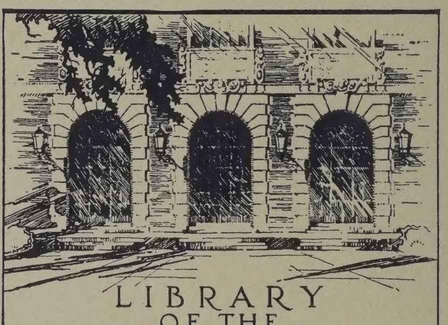

С. МАРШАК

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

ДЕТГИ[?]

С. МАРШАК

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ ПЕСНИ
И ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

РИСУНКИ В. ЛЕБЕДЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны произведения народной и классической английской поэзии в переводах С. Маршака. Книга озаглавлена «Ве́ресковый мед». Вереск — вечнозеленый кустарник, который цветет поздним летом лилово-розовыми мелкими цветами. Существует древняя шотландская легенда, будто пикты, народ, в давние времена населявший Шотландию, умели варить мед из вереска. Пикты, как гласит предание, были очень малы ростом и обитали в подземных жилищах. В V веке нашей эры пикты были завоеваны скоттами. Согласно легенде, ни угрозы, ни пытки не могли заставить маленьких отважных людей открыть победителям тайну изготовления верескового меда. С тех пор сказочный «вересковый мед» стал в шотландских легендах, песнях и пословицах символом того, что особенно дорого народу.

Многие произведения, включенные в этот сборник, проникнуты народным духом, их поэтические образы отли-

чаются простотой, преизбытком жизни, яркостью красок. Такие образы еще со времен древних певцов-сказителей связывались в народном представлении с вечнозеленым вереском.

В книгу включены английские народные баллады, в которых читатель найдет целый мир самобытных поэтических образов, созданных самим народом; сонеты великого английского поэта и драматурга Шекспира, составляющие значительную главу в истории мировой поэзии эпохи Ренессанса; замечательные произведения английской революционной поэзии; лирические стихи ряда крупнейших английских поэтов.

С. Маршак много работает над переводами произведений английской детской поэзии. Нашим читателям хорошо известны, например, в его переводах английские народные песенки для детей. Исполненные своеобразного юмора, эти песенки дают ключ к пониманию и комических образов Шекспира, и сатиры Свифта, автора знаменитых «Путешествий Гулливера», и причудливой шутки Чарльза Диккенса. В книге собраны лучшие образцы переведенных С. Маршаком народных детских песенок, а также стихов для детей, написанных английскими поэтами.

М. Морозов

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

РОБИН ГУД И МЯСНИКИ

Спешите на улицу, добрые люди,
Послушайте песню мою.
О славном стрелке, удалом Робин Гуде
Для вас я сегодня спою.

В лесу на рассвете гулял Робин Гуд,
Вдруг слышит он топот копыт.
Мясник молодой на лошадке гнедой
На рынок рысцою трусит.

— Скажи, молодец, — говорит Робин Гуд, —
В какой ты живешь стороне
И что за товар везешь на базар?
Ты больно понравился мне.

— Мне некогда, сударь, рассказывать вам,
В какой я живу стороне.
А мясо на рынок везу в Ноттингам —
Продать там по сходной цене.

— Послушай-ка, парень, — сказал Робин Гуд, —
А сколько возьмешь ты с меня
За все целиком: за мясо с мешком,
Уздечку, седло и коня?

— Немного возьму, — отвечает мясник, —
Чтоб в город товар не везти.
За мясо с мешком и коня с ремешком
Пять марок ты мне заплати.

— Бери свои деньги, — сказал Робин Гуд, —
Бери заодно с кошельком
И пей за меня, чтобы с этого дня
Счастливым я был мясником!

Верхом прискакал Робин Гуд в Ноттингам,
Проехал у всех на виду,
К шерифу пошел — и деньги на стол
За место в торговом ряду.

С другими купцами он сел торговать,
Хоть с делом он не был знаком,
Не знал, как продать, обмануть, недодать —
Он был мясником-новичком.

Но шибко торговля пошла у него:
Что хочешь, плати — и бери!
За пенни он больше свинины давал,
Чем все остальные — за три.

Он только и знал — зазывал, продавал,
Едва успевал отпускать.
Он больше говядины продал за час,
Чем все остальные — за пять.

— Дворянский сынок! — мясники говорят. —
В убыток себе продает.
Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот!

Подходят знакомиться с ним мясники:
— Послушай, собрат и сосед,
На рынке одном мы товар продаем —
Должны разделить и обед!

— Мы все мясники, — отвечал Робин Гуд, —
Одна небольшая семья.
Сочту я за честь попить и поесть
И чокнуться с вами, друзья!

Толпою к шерифу пришли они в дом,
Садятся обедать за стол.
— А младший наш брат, — мясники говорят, —
Молитву за нас бы прочел.

— Помилуй нас, боже, — сказал Робин Гуд, —
Дай хлеб нам насущный вкусить
И выпить винца, чтоб согрелись сердца!..
Мне не о чем больше просить.

А ну-ка, хозяйка, — сказал Робин Гуд, —
Друзей угостить я хочу.
Давай нам вина, а по счету сполна
За всех я один заплачу.

Вы пейте и ешьте, — сказал Робин Гуд, —
Пируйте весь день напролет.
Не все ли равно, что́ сто́ит вино!
Беру на себя я расчет.

— Дворянский сынок! — говорят мясники. —
Он продал именье отца
И весь свой доход за будущий год
Решил промотать до конца.

— Давно ль, — говорит Робин Гуду шериф, —
Ты в наши приехал места?
Как жив и здоров и много ль голов
Рогатого держишь скота?

— Рогатого много держу я скота:
Две сотни голов или три.
А впрочем, наведайся в наши места
И сам на него посмотри.

Пасется мой скот по лесам, по лугам,
Телята сейчас у коров.
И если захочешь, тебе я продам
Задешево сотню голов!

Седлает шериф вороного коня,
Три сотни червонцев берет
И едет верхом за лихим мясником
В леса — покупать его скот.

В Шервудскую чащу въезжают они —
Охотников вольных приют.
— Спаси меня, боже, — воскликнул шериф, —
Коль встретится нам Робин Гуд!

По узкой тропе они едут вдвоем.
И вдруг увидал Робин Гуд —
Лесные олени меж темных ветвей
От них врассыпную бегут.

— Вот здесь и живет рогатый мой скот!
Тут несколько сотен голов.
Коль можешь купить, тебе уступить
Я сотню-другую готов!

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И разом явились на зов
С двух разных сторон и Маленький Джон
И семеро лучших стрелков.

— Что скажешь?—спросил его Маленький Джон.—
Каков твой приказ, Робин Гуд?
— Пожаловал к нам Ноттингамский шериф.
Пускай ему ужин дадут!

— Что ж, милости просим, почтенный шериф,
Тебя поджидаем давно.
Отличным жарким мы тебя угостим,
А ты заплати за вино!

Дрожащий шериф протянул кошелек,
Не молвив ни слова в ответ.
И так же без слов отсчитал Робин Гуд
Три сотенки звонких монет.

Потом он шерифа повел за собой,
Опять посадил на коня
И крикнул вослед: — Поклон и привет
Жене передай от меня!

РОБИН ГУД И ШЕРИФ

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году
Веселый месяц май.

Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

— Что слышно, старуха, у вас в городке? —
Спросил, наклонясь, Робин Гуд.
— Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут.

— Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину?
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?

— Нет, сударь, они не виновны ни в чем.
— За что же карает их суд?
— За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

— Я помню тебя и твоих сыновей,
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, — сказал Робин Гуд, —
Тебе я в беде помогу!

Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетется по холмам.

— Что слышно на свете, седой пилигрим? —
Спросил старика Робин Гуд.
— Три брата у нас в Ноттингамской тюрьме
На казнь этой ночью идут.

— Надень-ка одежду мою, пилигрим.
Отдай-ка свое мне тряпье.
А вот тебе сорок монет серебром —
И пей за здоровье мое!

— Богат твой наряд, — отвечал пилигрим, —
Моя одежонка худа.
Над старым в беде и над нищим в нужде
Не смейся, сынок, никогда.

— Бери, пилигрим, мой богатый наряд,
Давай мне одежду свою,
И двадцать тяжелых монет золотых
Тебе я впридачу даю!

Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
И был он безмерно высок.
— Клянусь головой, он слетит с головы,
Чуть тронет его ветерок!

Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:
Прорехи в коленях, прорехи с боков,
Заплата пониже спины.

Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: — Иных узнают
По платью, а этого можно узнать,
Увидев, во что он обут!

Надел он дырявый, заплатанный плащ,
И только осталось ему
Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.

Идет, хромая, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам.
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.

— Спаси и помилуй! — сказал Робин Гуд. —
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду.

— Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдешь в палачи!

Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень — скок!
— Клянусь головою, — воскликнул шериф,—
Ты бодрый еще старичок!

— Я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!

Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок.
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.

— Труби, — засмеялся надменный шериф, —
Пугай воробьев и синиц!
Труби сколько хочешь, покуда глаза
Не вылезут вон из глазниц!

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтораста коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам.
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

— Что это за люди? — воскликнул шериф.
— Мои! — отвечал Робин Гуд. —
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив.
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

КОРОЛЬ И ПАСТУХ

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.

Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.

Но вот за богатство
И громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.

Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его в башню
Над Темзой-рекой.

2

— Здоро́во, здоро́во,
Смиренный аббат!
Получше меня
Ты живешь, говорят.
Ты нашей короне
Лукавый изменник.
Тебя мы лишаем
Поместий и денег!

Взмолился епископ:
— Великий король,
Одно только слово
Сказать мне позволь!
Всевышнему богу
И людям известно,
Что трачу я деньги,
Добытые честно.

— Не ври понапрасну,
Плешивый аббат!
Для всякого ясно,
Что ты виноват.
И знай: навсегда
Твоя песенка спета,
Коль на три вопроса
Не дашь мне ответа.

Вопросы такие:
Когда я на троне
Сижу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать.

Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я.
А в-третьих, сказать
Без запинки изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоем теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней, —
Авось на пятнадцатый
Станешь умней!

3

Вот едет епископ,
Рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксенфорд.

Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов!

Проездил епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей
Стадо свиней.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил: — Что слышно,
Хозяин-епископ?

— Печальные вести,
Пастух, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовеки не видеть
Мне белого света!

— Милорд, не печалься!
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,
И я за тебя
Перед троном предстану.

Ты знатный епископ,
А я свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.

Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!

— Мой верный пастух,
Я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость господня,
Но только, смотри, —
Отправляйся сегодня!

4

Вот прибыл пастух
В королевский дворец.
— Здорово, здорово,
Смиренный отец!
Тебя во дворце
Я давно поджидаю.
Садись — я загадки
Тебе загадаю!

А ну-ка послушай:
Когда я на троне
Сижу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать!

Пастух королю
Отвечает с поклоном:
— Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты сто́ишь —
Спроси свою знать,
Которой случалось
Тебя продавать!

Король усмехнулся:
— Вот ловкий пройдоха!
На первый вопрос
Ты ответил неплохо.
Теперь догадайся:
Как скоро верхом
Могу я всю землю
Объехать кругом?

— Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса.
Объедешь ты в двадцать
Четыре часа!

Король засмеялся:
— Неужто так скоро?
С тобой согласиться
Я должен без спора.
Теперь, напоследок,
Ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

— Что ж, — молвил пастух,
Поглядев простовато: —
Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата.
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!

ЛЕДИ И КУЗНЕЦ

Леди у окошка
Сидит, как снег бела.
Кузнец глядит в окошко,
Черный, как смола.

— Зачем в окно глядишь, кузнец?
О чем, кузнец, поешь?
Ты пой — не пой, а под венец
Меня не поведешь!

Сидеть мне лучше в девушках
У матери-отца,
Чем быть женою грязного,
Такого неученого,
Такого безобразного,
Такого закопченного
Невежи-кузнеца!

Девица стала уточкой,
Плывет она под мост,
А он веселым селезнем
Поймал ее за хвост.

Она лисой прикинулась,
Бежит, не чуя ног.
А он собакой гончею
Лисицу подстерег.

Девица стала мухою,
Стал пауком кузнец
И муху паутиною
Опутал наконец.

Он муху паутиною
Опутал наконец.
Ведет кузнец красавицу
Невесту под венец.

МЕЛЬНИК

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу, домой,
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

— Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.

— Гуляет конь,
Ты говоришь?
— Гуляет,
Говорю!
— Звенит уздечкой,
Говоришь?
— Уздечкой,
Говорю!

— С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!

Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— Свинью прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свиней немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свиньи под чепраком!

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

— Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?

— Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

— Чепец прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— И одеяло,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна
На них я не видал!

3

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских,
Начищенных сапог.

— Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!

— Ты пьян, как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?

— Прислала,
Говорю!
— Прислала ведра,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!

БАЛЛАДА О ТРЕХ СЕСТРАХ

Три девушки шили в саду над водой:
Дже́ннифер, Джентль и Розмари.
К ним рыцарь приехал гостить молодой, —
А в роще поют соловьи до зари.

Одна усадила его у огня, —
Дженнифер, Джентль и Розмари.
Другая овсом накормила коня, —
А в роще поют соловьи до зари.

Постель приготовила третья сестра, —
Дженнифер, Джентль и Розмари, —
И сна пожелала ему до утра.
А в роще поют соловьи до зари.

Но девушкам рыцарь сказал перед сном:
— Дженнифер, Джентль и Розмари,
Загадки мои разгадайте втроем! —
А в роще поют соловьи до зари.

— Что в мире звучнее, чем рог егерей?
Что в мире колючек терновых острей?

Что слаще, чем хлеб, утоляет сердца
И что на земле тяжелее свинца?

Что в мире длиннее дороги мирской?
Что глубже на свете пучины морской?

Продумали сестры всю ночь до утра, —
Дженнифер, Джентль и Розмари.
И вот что придумала третья сестра, —
А в роще поют соловьи до зари.

— Звучнее молва, чем рога егерей,
А голод колючек терновых острей.

Для совести грех тяжелее свинца,
И хлеба дороже нам слово отца.

Длиннее дороги лишь ветер один,
И глубже любовь всех подводных глубин!

Загадки разгаданы все до одной, —
Дженнифер, Джентль и Розмари.
Отгадчица рыцарю станет женой, —
А в роще поют соловьи до зари!

ТРАГЕДИЯ ДУГЛАСОВ

— Проснись поскорее, мой лорд, мой супруг!
Надень свой тяжелый доспех.
Пусть люди не скажут, что Ду́гласа дочь
Обвенчана тайно от всех!

Проснитесь, проснитесь, мои сыновья,
Седлайте коней вороных!
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Венчалась тайком от родных.

Мисс Ма̀ргарет мчится на белом коне,
Лорд Вильям — на сером за ней.
В руке его меч, на поясе рог.
И оба торопят коней.

Назад оглянулся и слушает он,
Что слышится в поле глухом.
Там слышится топот могучих коней:
Семь рыцарей скачут верхом.

— Мой шелковый повод, миледи, возьми,
Держи моего жеребца.
Средь чистого поля я встречу один
И братьев твоих и отца!

Стояла она, смотрела она,
И горько ей было смотреть,
Как семеро братьев в кровавом бою
Должны за нее умереть.

— Опомнись, опомнись, безжалостный лорд,
Постой — не рази до конца!
Я нового друга могла бы найти,
Найду ли другого отца?

Сняла она с шеи узорный платок
Голландского полотна.
Но алая кровь из отцовской груди
Бежала, как струйка вина.

— Ты хочешь ли дальше поехать со мной
Иль хочешь вернуться к родне?
— Поеду с тобой, мой единственный друг, —
Других не оставил ты мне!

Опять они скачут вперед, вперед.
Луна над полями взошла.
С коня он спустился у бледной воды
И снял свою даму с седла.

Вот оба склонились — уста освежить
Студеной водой ручья,
Но кровью горячего сердца его
Под ним обагрилась струя.

— Ты ранен, ты ранен, — сказала она, —
И кровь твоя в воду бежит!
— О нет, моя леди, багряный мой плащ
В воде, отражаясь, дрожит!

Опять они скачут при свете луны,
Несутся быстрей, быстрей.
У темного замка сошел он с коня
И крикнул, стучась у дверей:

— Открой поскорее, сударыня-мать,
Усталого сына впусти!
Жену дорогую на краткую ночь
Ему удалось привести.

Спеши приготовить для сына постель,
Вели ее мягче постлать.
Ты Маргарет рядом со мной положи,
И долго мы будем спать!

Лорд Вильям скончался ночною порой,
А Маргарет — в утренней мгле.
Пусть горестный жребий влюбленной четы
Не ждет никого на земле!

У церкви Марии подруга лежит,
А рядом — погибший любовник.
Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темнокрасный шиповник.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба,
И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба.

ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС-ВЕЛЛ

КРЕСТЬЯНСКАЯ БАЛЛАДА

Жила старуха в Ашерс-Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.

Она ждала от них вестей —
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.

— Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбачьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!

Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.

Такой березы не найти
В лесах родного края —
Береза белая росла
У врат святого рая.

— Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водою!
Все сыновья мои со мной.
Я нынче пир устрою!

Постель широкую для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.

Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
— Пора нам в путь-дорогу!

Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать — за наш уход
Терпеть мы будем муки.

— Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!

Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.

Они повесили на гвоздь
Платок, давно знакомый.
— Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.

Прощайте все — старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.

Прощай, амбар, сарай и клеть,
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЯ

Рога трубят.
Рога трубят.
И птицы приветствуют день.
А двор короля
Несется в поля,
В дубравы, где бродит олень.

Заря встает.
Петух поет.
И будит пастушья свирель
Забрезживший день,
Которому лень
Покинуть лесную постель.

РУСАЛКА

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: в море за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.

Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.

Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.

Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
— Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.

Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать
При бессчетных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горючих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!

Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
— Будет плакать моя
Молодая жена,
В эту ночь она станет вдовой!

По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
— Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!

Мы работали дружно,
Тонули мы врозь —
Это было судьбой суждено.
Уцелевшего бота
У нас не нашлось,
И пошли мы на темное дно,
на дно,
на дно,
За русалкой
На темное дно!

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА
СОНЕТЫ

* * *

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они ничьих не радуют сердец
И вянут, отравляя нам дыханье,
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

* * *

Седины наши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет —
И нашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки!

* * *

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою,

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое,
Но пусть я буду по-милу хорош —
Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.

Но так как с мертвым спор ведут они,
Во мне — любовь, в них — мастерство цени.

* * *

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым троном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий —
Бывают тучи на земле, как в небе.

* * *

Чтобы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что́ ты во мне любила, —
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
Что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня совсем из памяти изглидь —
Иль дважды мне ответ придется дать:

За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

* * *

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

* * *

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодною мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, —

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляну,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

* * *

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет, —
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется, невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим, —
Он был перед рождением твоим!

* * *

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Все оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

* * *

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья,
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти:
И днем и ночью — я всегда в пути.

* * *

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах возврати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой — слезы, плачем — смех,
Что хочешь, делай с миром и со мной,
Один тебе я запрещаю грех:

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит.

* * *

Когда читаю в свитке мертвых лет
О нежных девушках, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетьями хранимые черты —
Глаза, улыбка, волосы и брови —
Мне говорят, что только в древнем слове
Могла всецело отразиться ты.

В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.

А нам, кому ты наконец близка,
Где голос взять, чтобы звучал века?

* * *

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда атака тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит мрамор статуй и колонн?

О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

* * *

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письмена
Бегущие столетья не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно...
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но стало холодно в полях,
Дни осени пришли,
И Джон, состарившись, зачах,
Склонился до земли.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его подрезал острый нож,
Свалил беднягу с ног,
И, как бродягу на правеж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью!

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд —
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой друг, Джон,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль!

Теперь ты стал не тот, Джон:
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой друг, Джон,
Мы шли с тобою в гору,
И столько славных дней, Джон,
Мы видели в ту пору!

Под горку мы бредем, Джон,
Не разнимая рук.
Сойдем и ляжем под холмом,
Джон Андерсон, мой друг!

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
    Славный парень,
    Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
    Славный парень,
    Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
    Дочь полей,
    Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
    Дочь полей,
    Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

ПЕСНЯ БРОДЯЧЕГО ЛУДИЛЬЩИКА

Я, ваша честь,
Паяю жесть.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ —
Душою нищ,
Хоть он в семье наследник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник!

Любовь моя,
Лудильщик я —
И круглый год в дороге.
Клянусь, вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков —
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою.
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит:
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть.

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится —
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозит порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат.

Тогда поклялся злобный сброд,
Собранье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
    Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось!
    Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
    Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
    Отвагою пылая.

Новорождённый весь народ
    Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
    Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
    Сосна и тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
    Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет,
    И много в нем грибов, брат.
Но дерева свободы нет
    Среди твоих дубов, брат.

А без него нам свет не мил
    И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
    На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
    Потомственных воров, брат,
И лишь за гробом отдохнем
    От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат.
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

ЗАСТОЛЬНАЯ

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей,
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней.

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

* * *

У которых есть, что есть, —
Те подчас не могут есть.
А другие могут есть,
Да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть,
Да при этом есть, чем есть.
Значит, нам благодарить
Остается небо!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце! Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим.

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса!

В горах мое сердце! Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я — внизу!

ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок —
А он, как жизнь, бежит.

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой, —
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной, —
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной!

УГОВОР

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Пусть сходят с ума отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, — смотри
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но даже шутя берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Пусть сходят с ума отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас.

Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна,
Ее милее в мире нет.

ПЕСНЯ

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвой
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой!

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва.

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна...
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна!

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.
Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война!

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя —
Сердце воина не дрогнуло в бою.
Это сердце трепетало
Только ночью, в час привала,
Вспоминая милую свою.

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

КОРОЛЬ ГВИН

БАЛЛАДА

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин, —

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гóрдред между скал,
Тирана лютый враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит.
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой,
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть —
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подъемлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит.
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед: —
Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе...
Король, последние часы
Отпущены тебе!

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит,
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой, —

То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел,
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан...

СОН

Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу — в зелени полей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одинок,
Он взобрался на цветок,
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

— Мураши мои одни.
Плачут жалобно они.
Поглядят во мрак ночной —
И в слезах бегут домой!

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
— Чей, — спросил он, — тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед,
Жук со мной летит в обход.
Следуй до дому за ним —
Будешь цел и невредим!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня.
В сердце тихо, и тихо вокруг.

— Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли — и спать! Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.

— Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем — птицы реют кругом
И блуждают стада по холмам.

— Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы! —
Снова топот и гам по лесам, по лугам.
А вдали отвечают холмы.

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК В ЛОНДОНЕ

Чем этот день весенний свят
Там, где богатая страна
Таких измученных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
В ней стоит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп — о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

* * *

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

ИЗ ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

ЛЮСИ

1

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведал власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам,
А конь мой весело бежал —
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомой крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит.

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
— Что, если Люси умерла? —
Сказал я в первый раз.

2

Среди нехоженых дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет.
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.

3

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона,
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом,
Там девушка жила.
Перед английским очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

4

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

УКУШКА

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
А твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты — звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слышал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь, —
Все дальше и милей!

Я и сейчас люблю бывать
В твоем лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг,
Он — твой волшебный дом!

АГАСФЕР

Многопенные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смирится
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле, —
Рад он пристани родимой
На незыблемой скале.

Робкий страус до заката
По пескам стремит свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную, на ночлег.

Без конца моя дорога,
Цель все так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.

ИЗ ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА

РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалясь,
Склонясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой?
В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.

Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.
Удел твой — бесчестье.
Молвы приговор
Я слышу — и вместе
Мы делим позор.

В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?

Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я так же таю.
Коль будет свиданье
Дано нам судьбой,
В слезах и молчанье
Встречусь с тобой!

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Она идет во всей красе,
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд и цвет ланит
И легкий смех, как всплеск морской, —
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой,
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

* * *

Не бродить нам вечер целый
Под луной вдвоем,
Хоть любовь не оскудела
И в полях светло, как днем.

Переживет ножны клинок,
Душа живая — грудь.
Самой любви приходит срок
От счастья отдохнуть.

Пусть для радости и боли
Ночь дана тебе и мне, —
Не бродить нам больше в поле
В полночь при луне!

ИЗ ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

ЗИМА

Грустила птица о любви своей,
Одна в лесу седом.
Замерзший ветер крался к ней,
Вода шуршала льдом.

В полях давным-давно убрали рожь.
Обнажены леса.
И колебала воздух только дрожь
От мельничного колеса.

ЛЕТО И ЗИМА

I

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Пловучих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.
Всё радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

II

Была зима — такая, что с ветвей
Комочком белым падал воробей.
Закованные в ледяные глыбы,
В речных глубинах задыхались рыбы.
И до сих пор не замерзавший ил
В озерах теплых, сморщившись, застыл.
В такую ночь в печах пылало пламя,
Хозяин с домочадцами, с друзьями
Сидел и слушал, как трещит мороз...
Но горе было тем, кто гол и бос!

МУЖАМ АНГЛИИ

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружье тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет — жатве рад,
Кто не ищет — делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол,

Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!

ИЗ ДЖОНА КИТСА

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листве,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участьем в летнем торжестве.
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две...

Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима, в полях метет метель.
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

СЛАВА

Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее, — тот честь ее порочит!

Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный, заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простись учтиво — и рабой
Она пойдет, быть может, за тобой!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ШОТЛАНДИИ, В ДОМИКЕ РОБЕРТА БЕРНСА

Прожившему так мало бренных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою,
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

СОНЕТ О СОНЕТЕ

Уж если суждено стихам брести
В оковах тесных — в рифмах наших дней —
И должен век свой коротать в плену
Сонет певучий, — как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Поэзии — для ног ее босых!
Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей...
Как царь Мидас ревниво встарину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь — мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.

ОСЕНЬ

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бессчетных пчел.
Пускай им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!

Твой склад — в амбаре, в житнице, в дупле.
Бродя на воле, можно увидать
Тебя сидящей в риге на земле,
И веялка твою взвевает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь,
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы,
Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток,
Иль выжимаешь яблок терпкий сок
За каплей каплю — долгие часы.

Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход:
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим полем небосвод, —
Ты слышишь, роем комары звенят
За ивами — там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор.
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор...

ИЗ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА

ОРЕЛ

Вцепившись в голый горный склон
Когтистыми руками, он
Стоит, лазурью окружен.

Он видит, вдаль вперив свой взор,
В морщинах волн морской простор,
И громом падает он с гор.

У МОРЯ

Бей, бей, бей
В берега, многошумный прибой!
Я хочу говорить о печали своей,
Непокойное море, с тобой.

Счастлив мальчик, который бежит по песку
К этим скалам, навстречу волне.
Хорошо и тому рыбаку,
Что поет свою песню в челне.

Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие свет.
Но как тяжко о мертвой руке тосковать,
Слышать голос, которого нет!

Бей, бей, бей
В неподвижные камни, вода!
Благодатная радость потерянных дней
Не вернется ко мне никогда.

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

БАЛЛАДА

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы...
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал.

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы:
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

* * *

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма
И брызги взлетают
До труб
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, —

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

* * *

...В коляске приехали гости,
Стучатся у наших дверей.
Пускай принимает их мама,
А мы — за порог поскорей.

Давай убежим к поросятам,
Залезем вдвоем на забор,
Узнаем, что делает кролик,
Проведаем птичий двор.

Давай всё, что хочешь, папа, —
Лишь бы только мне быть с тобой!
Исследуем все дороги,
А к чаю вернемся домой.

Вот твои сапоги. Вот шляпа.
Вот трубка, табак и трость.
Бежим поскорее, папа,
Пока не заметил гость!

* * *

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, —
Все знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Даю им отдых от забот —
Пускай не устают.
Они прожорливый народ,
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет!

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

* * *

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разгладят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

* * *

Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвет, догоняя меня,
Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,
Бинки послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),

Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете — кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь —
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь.
Значит, он друг настоящий!

ПЕСНЬ ДАРЗИ, ПТИЧКИ-ПОРТНЯЖКИ, В ЧЕСТЬ ХРАБРОЙ МАНГУСТЫ РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я — портной,
Домик из листьев я шью.
Здесь. на земле, в небесах над землею
Шью я и вью и пою!

Радуйся, нежная мать:
В битве убийца убит.
Пой свою песню опять —
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца, таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз.
Тикки — бесстрашный герой,
Рик-Тикки-Тикки, герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей,
Трель вознеси к небесам.
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.

Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым,
Клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

ИЗ ЛЬЮИСА КЭРОЛЛА

БАЛЛАДА О СТАРОМ ВИЛЬЯМЕ

ИЗ ПОВЕСТИ „АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС“

— Папа Вильям, — сказал любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь...
Как ты думаешь, правильно это?

— В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

— Ты старик, — продолжал любопытный юнец, —
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальтомортале?

— В ранней юности, — сыну ответил старик, —
Натирался я мазью особой,
По два шиллинга банка — один золотник.
Вот, не купишь ли банку на пробу?

— Ты не молод, — сказал любознательный сын, —
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

— В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился наславу!

— Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

— Нет, довольно! — сказал возмущенный отец. —
Есть границы любому терпенью.
Если пятый вопрос ты задашь, наконец, —
Сосчитаешь ступень за ступенью!

МОРСКАЯ КАДРИЛЬ

ИЗ ПОВЕСТИ „АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС“

Говорит треска улитке: — Побыстрей, дружок, иди.
Мне на хвост дельфин наступит — он плетется позади.
Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.
Нынче бал у нас на взморье. Ты пойдешь ли с нами
в пляс?
Хочешь — можешь, можешь — хочешь ты пуститься
с нами в пляс?
Можешь — хочешь, хочешь — можешь ты пуститься
с нами в пляс?

Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!
— Ох! — улитка пропищала. — Далеко забросят нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс.
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!

— Ах, что такое далеко? — ответила треска. —
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдем со мной плясать!

Хочешь — можешь, можешь — хочешь ты пойти со мной плясать?
Можешь — хочешь, хочешь — можешь ты пойти со мной плясать?

ИЗ ЭДВАРДА ЛИРА

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Щипцы для орехов сказали соседям —
Блестящим и тонким щипцам для конфет:
— Ах, когда наконец мы кататься поедем,
Покинув наш тесный и душный буфет?

Как нам тяжко томиться весною в темнице,
Без воздуха, света, в молчанье глухом,
Когда кавалеры и дамы в столице
Одно только знают, что скачут верхом!

И мы бы могли гарцовать по дороге,
Хоть нам не случалось еще до сих пор.
У нас так отлично устроены ноги,
Что можем мы ездить без седел и шпор.

Пора нам, — вздохнули щипцы для орехов, —
Бежать из неволи на солнечный свет.
Мы всех удивим, через город проехав!
— Еще бы! — сказали щипцы для конфет.

И вот, нарушая в буфете порядок,
Сквозь щелку пролезли щипцы-беглецы,
И двух верховых, самых быстрых лошадок
Они через двор провели под уздцы.

Шарахнулась кошка к стене с перепугу,
Цепная собака метнулась за ней.
И мыши в подполье сказали друг другу:
— Они из конюшни уводят коней!

На полках стаканы зазвякали звонко,
Откликнулись грозным бряцаньем ножи.
От страха на голову стала солонка.
Тарелки внизу зазвенели: — Держи!

В дверях сковородка столкнулась с лоханью,
И чайник со свистом понесся вослед
За чашкой и блюдцем смотреть состязанье
Щипцов для орехов — щипцов для конфет.

И вот по дороге спокойно и смело,
Со щелканьем четким промчались верхом
Щипцы для орехов — на лошади белой,
Щипцы для конфет — на коне вороном.

Промчались по улице в облаке пыли,
Потом — через площадь, потом — через сад...
И только одно по пути говорили:
— Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!

И долго еще отдаленное эхо
До нас доносило последний привет
Веселых и звонких щипцов для орехов,
Блестящих и тонких щипцов для конфет...

ЭДВАРД ЛИР — О СЕБЕ САМОМ

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он — ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Ум его грациозен и точен.
Нос его непомерно велик.
Он уродлив, но, право, не очень.
Борода его — точно парик.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Отпустила природа ему.
Не лишен он известного слуха
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные.
Кот его называется Фосс.
Тело автора — шарообразное,
И совсем нет под шапкой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: — Англича-
Нин в халате бежал из больницы!

Он рыдает, бродя в одиночку
По горам, среди каменных глыб.
Покупает в аптеке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир...
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир!

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

ВЕСЕЛЫЙ КОРОЛЬ

Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
— Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да зовите моих скрипачей, трубачей,
Да зовите моих трубачей!

Были скрипки в руках у его скрипачей,
Были трубы у всех трубачей,
И пилили они,
И трубили они,
До утра не смыкая очей.

Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
— Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да гоните моих скрипачей, трубачей,
Да гоните моих трубачей!

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ

Кабы реки и озера
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,

Топоры бы все расплавить
И отлить один топор,
А из всех людей составить
Человека выше гор,

Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан, —

То-то громкий был бы треск,
То-то шумный был бы плеск!

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

КОРОЛЕВСКИЙ ПОХОД

По склону вверх король повел
Полки своих стрелков.

По склону вниз король сошел,
Но только без полков.

ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя —
Подкова
Пропала.

Не было подковы —
Лошадь
Захромала.

Лошадь захромала —
Командир
Убит,

Конница разбита,
Армия
Бежит.

Враг вступает
В город,
Пленных не щадя, —

Оттого что в кузнице
Не было
Гвоздя!

МЕЛЬНИЦЫ

Дуйте,
Дуйте,
Ветры,
В поле,
Чтобы
Мельницы
Мололи,
Чтобы
Завтра
Из муки
Испекли нам
Пирожки!

СЫР-БОР

Если бы в торт превратился весь мир,
В чернила — вода озер,
А все деревья — в зеленый сыр,
Какой это был бы сыр-бор!

СКАЗКА О СТАРУШКЕ

Старушка пошла продавать молоко.
Деревня от рынка была далеко.
Устала старушка и, кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа.
Старушка проснулась, от стужи дрожа.

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать.
Но, порванной юбки ощупав края,
Сказала: — Ах, батюшки, это не я!

Пойду-ка домой. Если я — это я,
Меня не укусит собака моя.
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я — на куски разорвет.

В окно постучала старушка чуть свет.
Залаяла громко собака в ответ.
Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: — Ну, значит не я.

ТРИ ПОДАРКА

ПЛЯСОВАЯ ПЕСЕНКА

— Полдюжины булавок
Я вам преподношу
И быть моей женою
Покорно вас прошу.
Надеюсь, вы пойдете плясать со мной, со мной —
И будете моей женой?

— Полдюжины булавок
От вас я не приму,
Полдюжины булавок
Нужны вам самому.
Плясать вы не пойдете со мной, со мной, со мной,
И вашею не буду я женой!

— Хрустальный колокольчик
Дарю я вам, мой друг.
Когда проснетесь ночью,
Будите ваших слуг.
Надеюсь, вы пойдете плясать со мной, со мной —
И будете моей женой?

— Хрустальный колокольчик
От вас я не возьму.

Ваш глупый колокольчик
Не нужен никому.
Плясать вы не пойдете со мной, со мной, со мной,
И вашею не буду я женой!

— Принес я вам колечко,
Любви последний дар, —
Алмазное колечко
И бархатный футляр.
Надеюсь, вы пойдете плясать со мной, со мной —
И будете моей женой?

— Мне нравится колечко.
Горит оно, как жар.
Оставьте мне колечко
И бархатный футляр.
Могу я вам позволить плясать со мной, со мной
И вашей согласна быть женой.

— Полдюжины булавок
Принес я в первый раз
И очень огорчился,
Услышав ваш отказ.

Хрустальный колокольчик
Потом я вам принес.
Меня своим отказом
Вы довели до слез.

Теперь принес колечко —
Любви последний дар.
Вы приняли колечко
И бархатный футляр.

И замуж вы согласны пойти на этот раз,
Да я-то не женюсь на вас!

ПЕСЕНКА О ШЕСТИ ПЕНСАХ

Дали мне шесть пенсов, новые шесть пенсов,
Шесть блестящих пенсов нынче дали мне.
На два пенса в лавке я купил булавки,
А четыре пенса я принес жене.

Ах, четыре пенса, все четыре пенса,
Все четыре пенса сдачи дали мне!
На два у торговки я купил морковки.
Два последних пенса я принес жене.

Милые два пенса, славные два пенса,
Два последних пенса сдачи дали мне.
Дал я их старушке за пучок петрушки,
Ничего сегодня не принес жене.

«Ничего» мне мило, «ничего» мне любо,
Ничего не трачу для жены своей.
На нее не трачу, от нее не прячу.
Ничего на свете нет ее милей!

ПОРОСЯТА

Весной поросята ходили гулять.
Счастливей не знал я семьи.
«Хрю-хрю», говорила довольная мать,
А детки визжали: «и-и!»

Но самый визгливый из всех поросят
Сказал им: «О братья мои!
Все взрослые свиньи «хрю-хрю» говорят,
Довольно визжать вам «и-и»!

Послушайте, братья, как я говорю.
Чем хуже я взрослой свиньи?»
Бедняжка! Он думал, что скажет «хрю-хрю»,
Но жалобно взвизгнул «и-и»!

С тех пор перестали малютки играть,
Не рылись в грязи и в пыли.
И всё оттого, что не смели визжать,
А хрюкать они не могли!

Мой мальчик! Тебе эту песню дарю.
Рассчитывай силы свои.
И если сказать не умеешь «хрю-хрю», —
Визжи, не стесняясь, «и-и»!

ПИРОГ

Много, много птичек
Запекли в пирог —
Семьдесят
Синичек,
Сорок семь
Сорок.

Трудно непоседам
В тесте усидеть —
Птицы за обедом
Громко стали петь.

Побежали люди
В золотой чертог,
Королю на блюде
Понесли пирог.

Где король?
На троне
Пишет манифест,

Королева
В спальне
Хлеб с вареньем ест.

Королевна в парке
Вешает белье.
С дерева сорока
Смотрит на нее

ДВА КОТЕНКА

Два маленьких котенка
Поссорились в углу.
Сердитая хозяйка
Взяла свою метлу

И вымела из кухни
Дерущихся котят,
Не справившись при этом,
Кто прав, кто виноват.

А дело было ночью,
Зимою — в январе.
Два маленьких котенка
Продрогли на дворе.

Легли они, свернувшись,
На камень у крыльца,
Носы уткнули в лапки
И стали ждать конца.

Но сжалилась хозяйка
И отворила дверь.
— Ну что, — она спросила, —
Не ссоритесь теперь?

Прошли они тихонько
В свой угол на ночлег,
Со шкурки отряхнули
Холодный, мокрый снег.

И оба перед печкой
Заснули сладким сном,
А вьюга до рассвета
Шумела за окном.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Даю вам честное слово:
Вчера в половине шестого
Я видел двух свинок
Без шляп и ботинок.
Даю вам честное слово!

МЫШИ В АМБАРЕ

Мышки в амбаре задумали прясть.
Кошка в окошко открытое — шасть!

— Можно ли мне перекусывать нити?
— Нет, вы съедите нас, тетушка Китти.

ТРИ МУДРЕЦА

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.

Будь попрочнее
Старый таз,
Длиннее
Был бы мой рассказ.

СВЕЧА

Тонкая девчонка.
Белая юбчонка,
Красный нос.

Чем длиннее ночи,
Тем она короче
От горючих слез.

В ГОСТЯХ У КОРОЛЕВЫ

— Где ты была сегодня, киска?
— У королевы у английской.

— Что ты видала при дворе?
— Видала мышку на ковре.

РАНО В КРОВАТЬ!

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори
Не будете знать!

КОМУ ЗАКРЫВАТЬ ДВЕРЬ?

Под праздник, под Мартынов день,
Пред тем как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!

— Мне только дверь и закрывать —
Другого дела нет!
По мне, пускай она стоит
Открытой сотню лет!

Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:

— Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрет!

Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь,
В углу часы стучат.

Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме — темнота.

— А ну-ка, — гости говорят, —
Кто в домике живет? —
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.

Ночные гости из печи
Берут по пирогу
И потроха и петуха.
Хозяйка — ни гу-гу!

Нашли табак у старика:
— Хороший табачок! —
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.

Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!

А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой! —
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

ПРИМЕЧАНИЯ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Народные баллады — это стихи и вместе с тем песни. В Англии встарину баллады распевались бродячими сказителями — менестрелями.

Баллады были тесно связаны с народными игрищами. Под балладу танцовали, изображая при этом то, о чем в ней рассказывалось. Отсюда произошло и само слово «баллада» (на латинском языке ballare значит «танцовать»).

В первых двух балладах, помещенных в сборнике, воспевается знаменитый герой старинных английских народных песен и легенд Робин Гуд. В старой Англии еще во времена Шекспира памяти Робин Гуда был посвящен день первого мая. В этот день жители городков и деревень уходили в лес и разыгрывали там сцены из жизни Робин Гуда, слушали менестрелей, рассказывавших о славном герое, и плясали вокруг «майского шеста». Трудно установить точно время возникновения легенд о Робин Гуде. Весьма вероятно, что некоторые из этих легенд восходят к XI веку, когда Англия была завоевана норманнами. Норманнские рыцари жестоко притесняли простой народ, и многие бежали тогда в дремучие леса, откуда продолжали борьбу с врагом. В последующие века эти легенды обогатились новыми вариантами.

Мощным толчком к развитию легенд о Робин Гуде явилось восстание крестьян в 1381 году, направленное против помещиков. Согласно легенде, Робин Гуд, храбрый разбойник и никем не превзойденный стрелок из лука, жил со своей «веселой ватагой» в Шервудском лесу. Стоило только Робин Гуду в минуту опасности протрубить в рог, как мгновенно вся «веселая ватага» являлась ему на помощь. Робин Гуд грабил только богачей, беднякам он всячески помогал. Главными врагами Робин Гуда были «гордый шериф» — представитель власти, жестоко притеснявшей народ, и «жирные монахи». Многие баллады о Робин Гуде по свежести красок, простоте и музыкальности, по живости изображенных в них лиц и меткому юмору принадлежат к шедеврам народной поэзии.

Героем баллады «Король и пастух» является простой пастух-свинопас. Сказка о пастухе, который сумел разгадать загадку грозного царя и спас таким образом от гибели опального вельможу, была распространена на Востоке. Существует предположение, что она была занесена в Англию в XII веке, во время Крестовых походов, и, переделанная на английский лад, стала темой баллады. В этой балладе выведен английский король Джон, брат Ричарда Львиное Сердце, царствовавший в начале XIII века. Он является действующим лицом исторической хроники Шекспира «Король Джон» и романа Вальтер Скотта «Айвенго».

Сюжеты народных баллад весьма разнообразны. В книгу включены и шуточные баллады и те баллады, которые можно назвать трагическими. К числу шуточных относится, например, баллада «Мельник», в сокращенном варианте впервые переведенная на русский язык Пушкиным («Воротился ночью мельник...»). Из трагических баллад большой известностью пользуется баллада «Трагедия Ду́гласов».

Поэтическими образами трагических баллад широко воспользовались Шекспир и его современники при создании своих величественных трагедий. Современники Шекспира, поэты Ренессанса, страстно увлекались балладами. «Когда я слышу старинную балладу о Дугласах, — писал поэт Филипп Сидней (1554—1586), — балладу, которую поет слепой бродячий сказитель, сердце мое замирает, как при звуке трубы...»

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР. СОНЕТЫ

Вильям Шекспир (1564—1616) был не только великим драматургом, но и великим поэтом. Кроме тридцати семи пьес, он оставил нам две поэмы («Венера и Адонис» и «Лукреция») и сто пятьдесят четыре сонета.

В английскую поэзию сонет был введен подражателями итальянского поэта Петрарки (1304—1374). В эпоху Шекспира почти каждый образованный человек считал для себя обязательным попытаться написать сонет. Это было всеобщим увлечением. Достаточно сказать, что за пять лет, с 1592 по 1597 год, в Англии было напечатано свыше двух с половиной тысяч сонетов.

Сонет строг по форме. В нем обязательно четырнадцать строк. В классическом итальянском, как и в русском, сонете рифмы первого четверостишия повторяются во втором четверостишии (см., например, сонет Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета...»). В английском сонете такое повторение рифм необязательно. Основная мысль в сонетах Шекспира обычно выражена в двух последних стихах.

Если для людей Средневековья бессмертием обладало только «божественное», то люди эпохи Ренессанса, к которым принадлежал Шекспир, со свойственной им страстностью заговорили о величии того, что создано рукой чело-

века. Поэты и художники Ренессанса не раз повторяли, что созданные человеком творения искусства вступают в спор со временем. Эту мысль мы находим и во многих сонетах Шекспира (см., например, сонеты: «Ты притупи, о время, когти льва...», «Уж если медь, гранит, земля и море...», «Прекрасное прекрасней во сто крат...», «Замшелый мрамор царственных могил...» и др.).

Сонеты Шекспира были напечатаны впервые в 1609 году. Всего вероятнее, что они были написаны в разное время и при разных обстоятельствах жизни поэта. Это единственные из дошедших до нас лирических произведений Шекспира. По словам современника, сонеты предназначались «для круга близких друзей». Те факты биографии Шекспира, которые нашли отражение в его сонетах, остались для нас неизвестными.

РОБЕРТ БЕРНС

Роберт Бернс (1759—1796) — величайший поэт шотландского народа. Он был простым фермером и собственными руками обрабатывал землю. С ранних лет Бернс стал сочинять слова на мотивы шотландских народных песен, которые явились почвой для всего его творчества. В одном из стихотворений поэт рисует свою музу в образе простой крестьянской девушки. В его языке широко отразился народный шотландский диалект.

Роберт Бернс был горячим сторонником Французской революции и бесстрашно проповедовал свои взгляды. Это вызвало яростную травлю поэта со стороны реакционных кругов. Жестокая травля и борьба с нищетой рано свели в могилу одного из гениальнейших поэтов XVIII столетия.

Главное место в творчестве Бернса занимает прославление неиссякаемой, неистребимой силы народа. Эта тема

ярко выражена в его знаменитом стихотворении «Джон Ячменное Зерно». Многие стихотворения Бернса (например, «Честная бедность», «Дерево свободы») проникнуты горячим революционным пафосом.

Сдержанный в общении с посторонними, Бернс любил дружеские встречи. Сочиненные им по случаю этих встреч застольные песни («Забыть ли старую любовь...», «У которых есть, что есть...») пользуются и сейчас широкой известностью.

Бернсом создан также ряд прекрасных, полных глубокого чувства лирических стихотворений.

Многие стихи Роберта Бернса стали народными песнями, которые поются по всей Шотландии.

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

Вильям Блейк (1757—1827), сын мелкого торговца, самоучка, был не только поэтом, но и художником, гравером и печатником. Первую книгу своих стихов Блейк, не найдя издателя, сам иллюстрировал, гравировал и печатал. Многие его стихи по живописности и четкости образов напоминают картины и гравюры.

Для ряда произведений Блейка характерны сумрачные, мистические мотивы. Реакционные английские критики отмечают обычно только эту сторону его творчества. Они совершенно умалчивают о том, что Блейк был сторонником Французской революции, что в некоторых его произведениях нашла выражение ненависть к угнетателям народа. Так, в балладе «Король Гвин» проснувшийся исполин Гордред, воплощение народа, «лютый враг тирана» — короля Гвина, подымает мятеж против короля и побеждает его.

В стихотворении «Святой четверг» поэт рисует траге-

дию капиталистического города, в котором вечно длится ночь безысходной бедности.

В своей ранней лирике Блейк стремился к наибольшей простоте выражения непосредственных чувств. Многие его стихи близки к детским песенкам. Замечательно по музыкальности стихотворение «Вечерняя песня»; оно напоминает хор стройных детских голосов. Сказочная струя в творчестве Блейка отражена в стихотворении «Сон». Оно напоминает фантастику тех старинных английских народных песен об эльфах, ночных бабочках, светляках, которые так широко использовал Шекспир в своей комедии «Сон в летнюю ночь».

Любовь поэта к живой материальной природе вылилась в кратком, но насыщенном образами и чувством четверостишии-афоризме: «В одном мгновенье видеть вечность...»

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

Вильям Вордсворт (1770—1850), наряду с Вальтер Скоттом и Кольриджем, принадлежит к числу крупнейших английских поэтов-романтиков.

Вордсворт и Кольридж возглавили в английской поэзии борьбу против классицизма. Французский классицизм создал торжественную оду и величественную трагедию со строгим соблюдением трех единств (места, времени и действия). Эти стройные произведения напоминают великолепные парки с подстриженными деревьями и геометрически правильно пересекающими друг друга дорожками. Образы, созданные классицизмом, можно сравнить с мраморными статуями. Французский классицизм оказал известное влияние и на английскую литературу.

Во второй половине XVIII века классицизм выродился в чисто внешнюю, пустую и бессодержательную поэзию.

Вордсворт и Кольридж пошли на штурм этого ложного искусства. Оба молодых поэта заговорили о поэтической красоте и естественности народной баллады. Сборник «Лирические баллады» (1798) явился их поэтическим манифестом. Наперекор воззрениям классицизма, Вордсворт широко использовал в своих стихах живой разговорный язык.

Вордсворт и Кольридж являются наиболее яркими представителями так называемой «озерной школы» поэтов. Поэты этой школы жили в Озерном крае (северо-западная Англия).

Вордсворт воспевал в своих стихах сельскую жизнь, природу своего края.

Переведенные С. Маршаком стихи Вордсворта «Люси», «Кукушка» и «Агасфер» (Агасфер — легендарный средневековый образ вечного странника) относятся к лучшим его произведениям.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Джордж Гордон Байрон (1788—1824) принадлежал к старинному аристократическому роду. Но еще в тот ранний период, когда, вернувшись из путешествия, он опубликовал первые две песни своей знаменитой поэмы «Чайльд Гарольд» (1812 год) и завоевал громкую славу, обнаружилась непримиримая вражда между молодым поэтом и реакционно настроенными кругами английского общества. На мятежного поэта обрушился поток грязной клеветы. В 1816 году Байрон навсегда покинул Англию. Он побывал в Швейцарии, жил в Италии, где был связан с подпольными обществами, боровшимися за освобождение страны от чужеземного гнета. Затем он отправился в Грецию, где принял деятельное участие в борьбе греческого

народа за национальную независимость. Байрон умер в Миссолунги, в Греции.

В противовес Вордсворту и другим английским поэтам-романтикам старшего поколения, произведения Байрона проникнуты гражданскими мотивами. В них звучит страстная ненависть к реакции, установившейся после окончания наполеоновских войн во всей Европе. Байрон — крупнейший представитель революционного романтизма в английской поэзии.

Великий русский критик В. Г. Белинский писал, что Байрон был «провозвестником нового романтизма, а старому нанес страшный удар».

К наиболее значительным произведениям Байрона относятся «Чайльд Гарольд», «Корсар», «Шильонский узник», переведенный В. А. Жуковским, «Манфред», «Каин» и, наконец, «Дон-Жуан» — незаконченная поэма, в которой наиболее ярко проявились сатирические черты творчества Байрона.

Лирические произведения Байрона сильны глубиной чувства. Три стихотворения, включенные в настоящий сборник, принадлежат к лучшим образцам лирики Байрона. Стихотворение «Она идет во всей красе...» входит в цикл еврейских мелодий. Одно из стихотворений этого цикла («Душа моя мрачна...») хорошо известно у нас в замечательном переводе Лермонтова.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

Перси Биши Шелли (1792—1822) родился, как и Байрон, в дворянской семье. За свои атеистические воззрения он был исключен из Оксфордского университета. Как и Байрон, он покинул Англию и стал странником в чужих краях. Он умер в Италии.

К наиболее значительным произведениям Шелли принадлежат философская поэма «Королева Мэб» и революционные поэмы «Восстание Ислама» и «Раскованный Прометей». Помещенное в сборнике стихотворение Шелли «Мужам Англии» можно отнести к самым ярким произведениям английской революционной поэзии.

Лирические стихи Шелли пленительны оттенками чувств, воздушной легкостью образов и музыкальностью.

Произведения революционных романтиков — Байрона и Шелли — попали «под запрет» в высших кругах английского общества.

«Байрон и Шелли, — писал Ф. Энгельс, — читаются почти только низшими сословиями; сочинения последнего ни один «почтенный» человек не должен иметь на своем столе под страхом самой отвратительной репутации» [1].

ДЖОН КИТС

Замечательный английский поэт Джон Китс (1796—1821) был сыном каретника. Оставшись пятнадцати лет сиротою, он поступил учеником к аптекарю, но страстно увлекся поэзией, которой решил посвятить свою жизнь. Болезненному, не имевшему средств к существованию юноше пришлось вести безрадостную жизнь. Ему не суждено было дождаться признания. Критика неизменно встречала его стихи либо холодным молчанием, либо грубой бранью. Ему советовали бросить писать стихи и «вернуться в аптеку». Китс умер в Италии от чахотки. Шелли оплакал в стихах смерть молодого поэта.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. II, стр. 282.

Для творчества Китса особенно характерна любовь к природе.

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли...

— эти слова из стихотворения «Кузнечик и сверчок» могут быть поставлены эпиграфом ко всему творчеству Китса. Образы стихотворения «Осень» — тяжелые лозы, сладостные плоды, рои бессчетных пчел, вся картина созревшей природы — напоминают поэзию Ренессанса, о возрождении которой мечтал Китс. Все стихи Китса, напечатанные в настоящем сборнике, за исключением «Осени», являются сонетами.

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

Альфред Теннисон (1809—1892) — поэт-лауреат викторианской Англии. Он был безупречным мастером стиха.

Значительную часть своей жизни Теннисон провел на острове Уайт, близ тех белых скал, которые Тургенев описал в своих «Призраках». Скалистый прибрежный ландшафт этих мест изображен в двух напечатанных в настоящей книге стихотворениях Теннисона.

РОБЕРТ СТИВЕНСОН

Прозаика и поэта Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894) наши юные читатели хорошо знают по его приключенческому роману «Остров сокровищ».

Стивенсон родился в Эдинбурге, столице Шотландии. Несмотря на хрупкое здоровье, он был неутомимым путешественником, исходил пешком Францию, побывал в Калифорнии. В 1891 году Стивенсон поселился на острове

Уполу в Тихом океане. Здесь он провел последние годы жизни и умер от чахотки. На этом острове он и похоронен.

Помещенная в сборнике баллада Стивенсона написана по мотивам той народной легенды о вересковом меде, о которой мы рассказали в предисловии.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Прозаик и поэт Редьярд Киплинг (1865—1936) известен нашим юным читателям своими сказками и стихами для детей и новеллами из «Книги Джунглей» («Маугли», «Рикки-Тикки-Тави» и др.).

Редьярд Киплинг много лет прожил в Индии. В ряде своих произведений он выступил как ярый сторонник британского империализма.

Сказки и стихи для детей и многие новеллы из «Книги Джунглей» увлекательны по содержанию, отличаются тонким юмором и лиричностью, поэтическим мастерством. В этих произведениях Киплинга характерные для его творчества империалистические тенденции почти не нашли отражения.

ЛЬЮИС КЭРОЛЛ

Льюис Кэролл (1832—1898), по основной специальности профессор математики, является автором двух широко известных книг для детей: «Алиса в стране чудес» и «Алиса за зеркалом».

Переведенные С. Маршаком стихи Кэролла из его книги «Алиса в стране чудес» так же причудливы, как причудлива английская карикатура, как причудлив вообще английский юмор с его резко подчеркнутым комизмом образов и положений.

ЭДВАРД ЛИР

Эдвард Лир (1812—1888) — художник и поэт-юморист, крупнейший в английской литературе мастер шуточных, эксцентричных стихов.

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Причудливостью отличаются и английские народные детские песенки, с которыми тесно соприкасаются стихи Кэролла и Лира. Многие из этих песенок восходят к глубокой старине и веками передавались из уст в уста. Необычайно пестрые по содержанию, они образуют обширную отрасль устной поэзии и в значительной степени заменяют детям сказку, которая получила в английском народе относительно слабое развитие.

М. Морозов

СОДЕРЖАНИЕ

Из Роберта Бернса

Из Вильяма Блейка

Из Вильяма Вордсворта

Из Джорджа Гордона Байрона

Из Перси Биши Шелли

Из Джона Китса

Из Альфреда Теннисона

Из Роберта Стивенсона

Из Редьярда Киплинга

Из Льюиса Кэролла

Из Эдварда Лира

Народные детские песенки

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

*

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

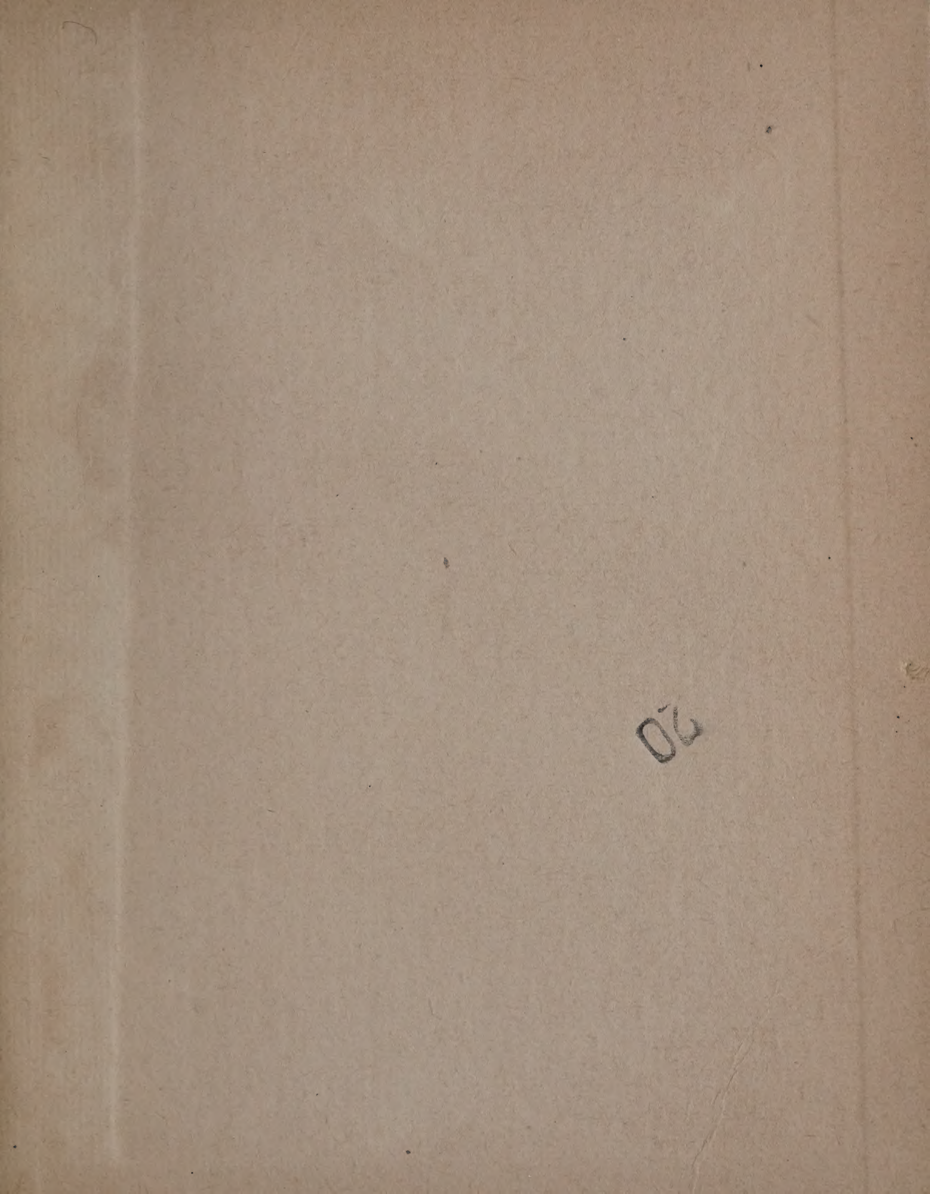
*

Ответственный редактор **Е. Егорова.**
Художественный редактор **С. Садомская.**
Технический редактор **В. Артамонов.**
Корректоры **Е. Балабан** и **А. Враныч.**

Подписано к печати 23/V 1947 г. 6,5 печ. л. (4,9 уч.-изд. л.). 55 500 зн. в печ. л.
Тираж 25 000 экз. А06019. Заказ № 330. Цена 3 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 3 р. 50 к. 40

